

Передо мной рукопись, на обложке которой значится:

Н. В. Калугин

Мои воспоминания

Николай Васильевич Калугин (1903-1990) – мой отец. Первый чемпион Тюменской губернии по лыжам (1921), один из первых мастеров спорта СССР в нашей области. Входил в десятку лучших стрелков страны. Бессменный капитан нашей сборной команды стендовиков, отличник физкультуры и спорта, Почетный член общества охотников. Память о нем хранят его правительственные награды, многочисленные (их более 100) дипломы, почетные грамоты, призы. В наше время, когда постоянно слышим о мировых рекордах наших земляков, прошлое как-то оказывается в тени. Однако мы не вправе забывать о тех, первых и об условиях, в которых они начинали. Ведь в ту пору каждая, пусть даже маленькая победа, была настоящей сенсацией.

Н. В. Калугин отшагал по дорогам войны долгие четыре года. Был под Ржевом и на Курской дуге, воевал под Ельней, форсировал Днепр. В составе IV Украинского фронта дошел до Чехослова-

кии, где и встретил Великую Победу. А еще он – коренной тюмонец, родившийся в Ямской слободе на Ирбитской улице, до безумия любивший свой родной город и не представлявший жизни вне его. Прожил он долгую жизнь и вот что говорил: «Моя жизнь, как и жизнь моего поколения, была непомерно трудной, но вместе с тем и очень интересной». Вот почему, когда я перелистываю его «Воспоминания», передо мной проходят страницы большого пути человека – моего отца и вместе с тем нашей отечественной истории, нашей Тюмени. Думаю, что эта книга представляет интерес и для широкого круга читателей.

Предлагаю читателю отдельные фрагменты этих мемуаров. Стиль и «идеологическую трактовку» событий оставляю без изменений.

В.Н. Кубочкина /Калугина

СТАРАЯ ТЮМЕНЬ

Тюмень.
Царская ул.
Почтовая контора.
1909 г.

Тюмень. Какая она была, родная, в начале века? Город деревянный, одноэтажный, отличительной чертой было полное отсутствие на улице каких-либо зеленых насаждений. Пыль в сухую погоду и непролазная грязь в дождливую. Только одна Царская улица (теперь ул. Республики) была мощеной серым камнем. Особенно грязным было Заречье, задыхавшееся в специфических запахах отходов кожевенного и овчинно-шубного производства. Унылый вид представляли окраины дореволюционной Тюмени. Дома на Крестьянских местах, Копыловских и Угрюмовских сараях были построены без всякой планировки. Большинство жилищ – полуземлянки или стро-

ения временного типа. Здесь жили рабочие литейно-механического завода Машарова, пристанские грузчики и рабочие частных курничных производств. Ближе к центру города дома и надворные постройки выглядели лучше, добротнее.

Рядом с синагогой, на Спасской улице (ныне ул. Ленина) в небольшом кирпичном здании размещалась маленькая электростанция, освещавшая до десятка домов богатеев. Как только наступала ночь, особенно

осенняя, город погружался в кромешную тьму, и лишь углы главных улиц освещались керосиновыми фонарями. Позднее здесь было уже более сильное, газовое освещение. В центре города, где стоит памятник Борцам Революции, была большая чаша, наполнявшаяся водой из пастей скульптурных львов.

Вода в Туре не отличалась хорошими качествами. Капиталисту Колмакову и некоторым другим богатым людям привозили воду на лошадях с реки Пышмы. Пышминская вода славилась особым вкусом, была мягка и чиста.

Большие беды приносили Заречной части города весенние наводнения. Многие улицы заливались паводковой водой. Земляной вал, насыпанный со стороны деревни Парфеново и Береговой улицы, не всегда защищал от напора большой воды, часто размывался. Во время критического положения дежурили подводы с мешками земли. Образовавшуюся брешь закидывали этой землей.

*Тюмень.
Рабочая окраина.
Начало XX в.*

*Тюмень.
Заречная часть
во время разлива
р. Туры. 1909 г.*

*Тюмень.
Городская управа.
1890-е гг.*

Приходила вода с полей и в Затюменку, при быстрой талице, в особо снежные годы. Тогда и здесь по улицам плавали на лодках. Мост, соединявший Зареку с нагорной частью города, был деревянный, сплавной. Летом с 6 часов вечера он разводился для проплыва пароходов и многочисленных плотов с лесом. Во время ледохода мост разводили совсем, и этот район продолжительное время был изолирован от города. Когда же Тура освобождалась от льда, на время половодья устраивали паром (в виде баржи) и на нем перевозили от берега к берегу лошадей, повозки, людей. Была большая беда, когда случался пожар, а пожары в это время возникали часто и были опустошительными. В Тюмени были две пожарные команды. Одна – рядом с городской управой (теперь здание музея), вторая, меньшая – в районе Зареки. Над зданием Управы – каланча, на которой круглосуточно дежурил пожарник. При возникновении пожара он бил продолжительно в колокол (набат) а на каланче, на специальном месте вывешивались шары, обозначавшие, в какой части города пожар.

Всегда наготове стояли запряженные лошади. Каждая повозка запряжена тройкой красивых, быстрых, подобранных по масти лошадей. На меня всегда большое впечатление производил эффектный выезд пожарной команды. Вода доставлялась на пожар в бочках.

На место пожара всегда сбегалось много народа, и все принимали участие в его тушении: кто качал насос, кто на своих лошадях подвозил воду, кто помогал спасти имущество. Пожарники одевались в брезентовую спецовку, на голове были начищенные бронзовые каски. В моем детском представлении они казались какими-то чудо-героями. Ночью город охранялся ка-

**ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ
СИБИРСКОЙ
ЕПАРХИИ**

Архипастыри

ПАВЕЛ I
 (? – 4.01.1692, волок
 Чикман близ
 Соликамска),
 митрополит Тоболь-
 ский и Сибирский.

 Был архимандритом
 Московского Симо-
 нова монастыря. С
 1673 г. — архиман-
 дрит Чудова мона-
 стыря, духовник
 царевны Софьи
 Алексеевны, член в
 Патриаршем раз-
 ряде, где заведовал
 делами по строитель-
 ству церкви и мона-
 стырей. 21 июля
 1678 г. возведен
 патриархом Иоаки-
 мом в сан митрополи-
 та и назначен главой
 Тобольской и Сибир-
 ской митрополии.
 Начал каменное
 строительство в
 Сибири. В 1681 г. им
 заложены Тоболь-
 ский Софийский
 собор (завершен в
 октябре 1686 г.),
 каменная ограда по
 периметру Софий-
 ского двора с 6

**Тюмень.
 Голицинская ул.
 Начало XX в.**

раульными. Ходили они по улицам и колотили в деревянные колотушки просто так, без причины. Спите, мол, граждане, вас мы охраняем. Для воров, которых было немало, колотушки служили хорошим ориентиром: внимание, приближается охрана. Во время пожара караульщики, оповещая население, трещали на всех кварталах специальными трещотками. Этот звук (зная по какому поводу тревога) производил всегда какое-то жуткое впечатление.

В Тюмени было много купечества. Из всех особенно выделялся Колокольников. Он был образованным, передовым в общественных и благотворительных делах. Долгое время городским Головой (так называлась выборная должность управляющего города) был миллионер Текутьев. Злые языки тогда поговаривали, что нажил он свой капитал не совсем честным путем. Для города он построил небольшой драматический театр, в котором играли профессиональные актеры. Впоследствии этот театр сгорел.

Очень много было мелких торговцев, пристроившихся со своими лавочками в наиболее оживленных местах. Более крупная торговля размещалась на улице Царской. Там были сравнительно большие магазины: Колокольникова – по продаже муки и других бакалейных товаров, Аверкиева – гастрономический, Ефимова и Агафуровых – галантерейные магазины, Стахеева – торговля тканями, Моисеева – обувной магазин, Антипкина – книжный и писчебумажный, Брандт торговал золотом и ювелирными изделиями.

Была в городе и небольшая промышленность. Паровые мельницы Шадринной, Гусевой и Жернакова, спичечная фабрика Логина, литейно-механический завод Машарова, кожевенные и овчинные заводы Собенникова и Плишкина, лесопильные – Новоселова и Селянкина. Все эти предприятия были полукустарного типа с числом рабочих в каждом не более двухсот.

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

↳ глухими башнями, святыми воротами и надвратной церковью Сергия Радонежского. В 1691 г. построены Троицкий собор, монастырская Преображенская, приходская Богоявленская церковь и каменный архиерейский дом в Тобольске, Знаменская церковь в с. Абалаке и Преображенская церковь в с. Преображенском. Руководил христианизацией язычников Сибири. В 1681 с этой целью направил в Даурию особую миссию во главе с игуменом Феодосием и иеромонахом Макарием с наказом совершать свое дело «без тщеславия и гордости, с благоучительным намерением, без всякого озлобления», чтобы «от каких слов строптивых иноземцев чем не отлучити, а от святого дела не отвратити». В то же время прибегал к насильственному крещению мусульман, жестоко преследовал староверов. Гонения со стороны Софийского дома подтолкнули сибирских старообрядцев в 1679, 1682, 1686 и 1687 гг. к массовым саможжениям. В декабре

Тюмень.
Народный дом.
Начало XX в.

Летом в Тюмени устраивалась сырьевая ярмарка по торговле кожей и овчинами, с довольно большим товарооборотом. На ярмарку приезжали купцы из Киргизии, Казахстана и других отдаленных мест. Только что построенная железная дорога от Тюмени на Омск заметно оживила торговлю. Цены на товары не были твердыми и находились в зависимости от конъюнктуры рынка. Интересная «ряда» за цены происходила между покупателем и торговцем. Каждое изменение предлагаемой цены обычно сопровождалось хлопаньем по рукам другого, торгующегося. Бывало, покупатель, не столковавшись, выходил из магазина. Тогда продавцы тотчас же выскакивали за ним и вот тут, на улице, происходила самая оживленная «ряда», кончавшаяся обычно соглашением. Каждого покупателя встречали любезно и трудно было уйти из магазина, не сделав покупки. Распространена была торговля в кредит с доставкой на дом. В Тюмени особенно много проживало кустарей-ремесленников самых разнообразных отраслей: кожевников, овчинников, пимокатов, сапожников, кузнецов, экипажников, кирпичников, ковровщиков, рогожников и других. Для стимулирования кустарных производств было организовано кредитное товарищество, правление которого избиралось тайным голосованием на собрании кустарей города.

Товарищество выдавало под проценты ссуды на приобретение сырья, покупало и принимало от кустарей на комиссию готовую продукцию. Окончив в 1918 г. высшее начальное училище, я поступил в эту организацию учеником-конторщиком. Поставлено было условие: в качестве платы за обучение в сверхурочное время исполнять обязанности рассыльного для связи с кустарями. Девять часов я работал в конторе, затем брал заготовленные повестки и письма и, забежав домой пообедать, отправлялся в «путешествие» по всему городу. Возвращался голодный, до предела уставший, не ранее 10-11 часов вечера. И так каждый день. Автобусов тогда не было, все пешком. А осенью – непролазная грязь, темнота, злые собаки. Я-то уж знал, сколько в Тюмени кустарей!

*Тюмень.
Общий вид с
пожарной каланчи
на здании город-
ской управы.
Начало XX в.*

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

1692 г., будучи уже тяжело больным, отправился по указу царя в Москву, но умер в пути, не доехав до Соликамска.

ИГНАТИЙ

(в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) (? – 13.05.1701, Москва), митрополит Тобольский и Сибирский, церковный писатель.

Из дворян. В сер. 1670-х гг. — стольник у царя Алексея Михайловича. Принял монашество в Соловецком монастыре и с 1677 г. был там экклезиархом, т.е. церковным уставщиком. В 1685-1687 гг. – архимандритом Московского Новоспасского монастыря. В 1687 г. отправился в Костромской и Кинешемский уезд для борьбы с расколом. Написал «Известие о увещании раскольников в 1687 г.». Автор «Жития Анны Кашинской», «Жития Симеона Верхотурского», «Жития и завещания патриарха Иоакима», «Толкования образа

Население Тюмени в то время составляло около 40 тысяч человек. В городе было 14 действующих церквей и один мужской монастырь, до десяти начальных четырехклассных школ, два высших начальных училища (типа наших восьмилеток) и средние школы: женская гимназия, мужское реальное училище и частное коммерческое училище, патронированное Колокольниковым. Все школы в прежнее время занимались только в одну смену: так мало было учащихся. Из культурно-просветительных заведений действовали драматический театр, кинотеатры «Паллас» и «Художественный», показывавшие немые фильмы. На базарной площади – цирк. На берегу реки Туры, где стоит облоно, был Народный Дом. В нем была неплохая, по тем временам, библиотека. Приказчицкий клуб – зимнее помещение (старое здание филармонии), летнее, деревянное, на берегу Туры, против полковых казарм. В 1922 г. здание было разобрано и перевезено под клуб железнодорожников (имени Ильича). С западной стороны к Тюмени примыкала большая березовая роща – красавица. Она тянулась от ипподрома до деревни Воронино и вширь до дачи Колокольниковых (дом отдыха им. Оловянного). Сколько в ней было грибов и земляники! В трудное время 1916-1919 гг. роща была вырублена. На месте этой рощи позднее разместились военный городок, хлебозавод, ДОК «Красный Октябрь» и жилые постройки западной части Затюменки.

Первый автомобиль в Тюмени жители города увидели летом 1914 г. Это было странное, досель невиданное зрелище. Подымающая облако пыли и дыма, автомобиль двигался по Никольской улице (ул. Луначарского) с небольшой скоростью. За ним, как бы сопровождая, бежали толпы ребят. Одни, устав, кончали бег, другие начинали его. Автомобиль по теперешним понятиям был очень странного устройства. Колеса имели не сплошные диски, как сейчас, а деревянные спицы, наподобие тележных. В посадке он был высок, открытый и имел сзади, на случай дождя, подымающийся

Тюмень.
Царская ул.
1909 г.

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ
СИБИРСКОЙ
ЕПАРХИИ

Архипастыри

Софии премудрости Божией», «Возоближения на лютеранский катехизис», «Слова на Латинов и Лютеров», «Исторического известия о Латинском царстве от Св. Писания» и др. Играл видную роль в церковной жизни 1680-1690-х гг., не брезговал доносами. В 1692 г. удален из Москвы в почетную ссылку — назначен митрополитом Сибирским. В Сибири строил церкви, преследовал старообрядцев. Написал 3 пастырских послания «в обличение сибирских раскольников». Поощрял захваты монастырями пустующих земель, что вынудило Петра I указом 18 апреля 1697 г. ограничить право епархиального начальства разрешать строительство новых монастырей в Сибири. В 1698 г. попал в опалу в связи со злоупотреблениями людей тобольского митрополичьего дома в делах церковного суда и притеснениями мирян сибирскими

верх. Ехали в нем два господина и шофер. Говорили, что автомобиль, проехав Затюменку, остановился на даче Колокольниковых.

Больше автомобиля в Тюмени мы не видели до 1927 г. Летом этого же года было объявлено, то «господин Уточкин совершит над Тюменью первый показательный полет на аэроплане». Старт самолета был назначен с беговой дорожки ипподрома. Задолго до назначенного времени много народа хлынуло туда. Публика покупала билеты на трибуны ипподрома, а наш брат разместился на заборах и деревьях вокруг места взлета самолета. Аэроплан имел вид книжной этажерки с крыльями. Летчик — в специальном костюме, в больших защитных очках, в самолете он был виден весь. Сделав разбег, самолет улетел в юго-восточном направлении и через несколько минут под взглядами и овацию публики благополучно приземлился. Сколько было разговоров вокруг этой сенсации!

Рабочий люд жил в изнурительном труде. На предприятиях и в торговле работали по 12 часов, кустарно-ремесленники и того больше, ведь своя ноша не тянет, как говорила пословица. Отдыхали люди по воскресеньям и в церковные праздники и, как могли, разнообразили потом заработанный отдых. Очень распространена была игра в городки, играли и молодые и пожилые. Много и увлеченно играли в мяч (лапту). Распространена была борьба на поясах до победителя. А победитель награждался одобрительными возгласами зрителей и опояской побежденного. Бывало, ловкий борец забирал в день до десятка опоясок.

А на селе были молодежные хороводы, игры, качели! Зимой устраивались большие общественные пирушки. Молодые люди на игровых санях, обитых цветной материей с бархатом, катали с катушки своих возлюбленных. В Святки, на Рождественских днях — гадания, маскарад. А вот и Масленица! Катание на лошадях, украшенных лентами, бумажными цветами. Под дугой — звонкий колокольчик, на пристяжных лошадях — бубенцы. Главное ката-

ние происходило по улицам Никольской и Царской туда и обратно в два ряда.

Ну, а кому хотелось порезвить лошадей, выезжали на реку, на простор. Одевался народ в эти дни по-праздничному. Последние три дня Масленой недели были нерабочие. По Царской улице – толпы гуляющей молодежи. Эта улица и преимущественное место свиданий молодых людей. Блины – главное блюдо Масляной недели, ели рыбу, молочные продукты. Мясное заварное приходилось на последнее воскресенье перед Масленицей, после которого есть мясо считалось грехом. Последний день Масляной недели назывался Прощеным днем. Было заведено просить прощение и мириться со всеми, с кем находился в ссоре, в натянутых отношениях. Это, кажется, был хороший обычай. Ну, а с понедельника начинался Великий, семинедельный изнурительный пост – питание, исключая мясные продукты. Потом – опять та же тяжелая работа. Нельзя не сказать об удалой старинной забаве, о кулачных боях, затевавшихся обычно в зимние праздничные дни. В драке сходились: район на район – Затюменка с Заречьем, Тычкова с Сараями. С обеих сторон сходились до сотни бойцов. Как-то мой сосед, парень лет двадцати, сманил меня посмотреть на бой. Бой был на льду реки Туры, за монастырем. Мы пришли вовремя, к началу схватки. Драку начали ребяташки лет 12-14, потом входили в «операцию» ребята постарше, затем – парни и мужики-бородачи. Дрались ожесточенно, по существующим неписаным правилам: голой рукой лежачего не бить. Не выдержав накала обстановки, мой сосед, наказав мне смотреть за его курткой, бросился в драку. Вскоре Заречная сторона осилила наших и началось отступление с боем. Помню, я настолько перепугался (мне было лет 7-8), что оставил куртку и без оглядки убежал домой.

Говорили, что разнимать дерущихся приезжали пожарники, поливая из брандсбойтов холодной водой. Наверное, это было для них потехой, а не мероприятием по наведению порядка. Ну, а как только начинались проталины, в свои права входила интереснейшая игра в бабки. Играли с упоением в каждый свобод-

**ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ
СИБИРСКОЙ
ЕПАРХИИ**

Архипастыри

священнослужителями. В 1700 г. из-за болезни вынужден был оставить епархию и отправиться в Москву. Будучи проездом в Тюмени, заложил каменный Благовещенский собор. Получив увольнение, удалился на покой в Московский Симоннов монастырь, где вскоре «повредился умом» и скончался.

ФИЛОФЕЙ

(Лещинский) (1650, Украина — 31.05.1727, Тюмень), митрополит Тобольский и Сибирский, просветитель.

Образование получил в Киево-Могилянской академии, после ее окончания — пресвитер церкви.

**Тюмень.
Садовая ул.
Ремесленное
училище.
Начало XX в.**

Тюмень.
Базарная
площадь.
Начало XX в.

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

Принял монашество в Киево-Печерской лавре, был ее экономом, затем архимандрит Брянского Свенского монастыря. С начала 1702 г. — митрополит Тобольский и Сибирский. Прибыв в апреле того же года в Тобольск, развернул энергичную деятельность. Боролся со злоупотреблениями сибирских воевод, писал «доносительные статьи» Петру I. В 1703 г. учредил в Тобольске архиерейскую школу, определив в нее в качестве учителей киевских ученых монахов. При Филофее в Тобольске действовал первый любительский театр, состоящий из учеников духовной школы.

ный час, на переменах и дома после уроков до потемок. На поле, где сейчас центральный стадион, в начале лета устраивался большой однодневный детский базар, имевший странное название «Ключ». Сюда на праздник приходили с детьми, здесь продавали игрушки, квас, сладости. Были устроены карусели, палаточные балаганы с клоунами и цирковыми артистами.

В Тюмени на Новой улице (улице Профсоюзной) содержалось много публичных домов или домов терпимости. Перед входом в заведение горели красные фонари. Так их было много, что вечером казалось, что улица горит в иллюминациях. Эти заведения жили по своему «уставу», имели свои порядки. Нельзя не указать на особые отношения супругов. В исключительном большинстве, главенство в семье принадлежало мужу, жена находилась в слепом повиновении у него. Деньги от заработка, торговли и других источников, так же как и распоряжение имуществом, товарами, находилось в руках супруга. Это поддерживалось всем строем жизни. Священник, венчая в церкви бракосочетающихся, произносил, особо подчеркивая псалом: «Жена да убоится мужа своего».

Часто, по причине или без нее, мужа избивали жен. При этом никто, даже закон, не встречал в защиту женщины. Порой избиения носили варварский характер. Помню, мальчишкой еще пришел я на охоту в деревню Утяшеву. И застал на улице толпы возбужденных людей, безмолвных свидетелей деревенской драки. Только вот сейчас, привязав жену за ноги к упряжке лошадей, волоча ее ноги перед ногами бегущей лошади, проскакал ее властелин. И все это извергу обошлось безнаказанно и считалось явлением обычным.

И вот еще одно свидетельство женского бесправия. Ивана Бабкина, жителя деревни Войновка, моего прежнего знакомого, с которым я в молодости ездил на тетеревиную охоту, уже давно нет в живых. Его жена Марфа, прожившая долгую жизнь в браке с ним, умерла недавно. Об этом мне поведали деревенские старушки, случайно встретившиеся со мной в деревне Войновка. И они рассказали, что Бабкин в продолжении всей жизни как мужчина был несостоятелен, а потому был ревнив и беспричинно подозревая жену в измене, жестоко ее избивал. Марфа мужа не любила, просто ненавидела его, но жила с ним в доме как работница, не узнав блаженства любви, оставаясь девственницей до конца своих дней.

Веками сформированные устои старой жизни обязывали: обвенчались супруги — надо жить, такова судьба. Так без ласки, без согласия была прожита долгая жизнь хорошей женщины.

До двадцатилетнего возраста я жил Затюменкой, на Ирбитской улице. Мой отец был кустарем-экипажником, хорошим мастером. В его мастерской производились изделия, улучшенные по качеству

и по цене выше изделий других мастеров. Делались экипажи на ресорах, на резиновых шинах. Для заказчиков из Киргизии и Казахстана изготовлялись большие закрытые кареты для упряжки под 4-6 лошадей. Внутри карета имела мягкие сидения, отделялась цветным (красным или зеленым) сафьяном, снаружи оклеивалась листьями орехового дерева и покрывалась лаком. Некоторые железные изделия экипажа использовались для украшения листовой бронзой, начищались. Такой экипаж, помню, стоил 300 рублей. Цена по тому времени большая, но сколько труда и умения вкладывалось в это дело! Делались экипажи на широкий рынок: проще и дешевле. Помимо 2-3 наемных мастеров, участие в производстве в основном принимали члены семьи. Бывало, так хочется поиграть с ребятишками, а тятя заставляет крутить точило или большое колесо токарного станка. Очень рано включили нас в трудовую деятельность. Отец мой был трезв, строг и справедлив. Так мне казалось тогда, так представляется и сейчас. Мать была женщиной неграмотной, обремененной заботами о большой семье. Всегда в доме находилось около десяти человек. Надо их накормить, на ребятишек пошить одежду, постирать, управить корову и лошадь. С раннего утра (день начинался с 5 часов утра) и до позднего времени все – в тяжелом труде. Мать, как мне казалось, была в безропотном подчинении у отца. У меня были два брата и старшая сестра. В ребячьем возрасте мы жили дружно. Родители очень любили выезжать с компанией в лес, на природу, всегда брали и нас, ребятишек. Чаще всего ездили с ночевкой в район озер Лебяжьего, Тулубаево и Тараскулей. Там много находили грибов и ягод, преимущественно брусники. Помню яркие костры и прохладу ясных ночей, веселые разговоры компании и вкусную еду, приготовленную тут же, в лесу. Отец мой был охотником, имел одноствольное ружье 10 калибра, но дичи убивал всегда мало. Любимым видом охоты он находил осеннюю на косачей с чучелами. Охотились недалеко от города, в Плехановской поскотине или немного дальше, в Собенниковской Заимке. Дичи было везде много.

Мне хочется рассказать несколько эпизодов из моего детства. Вот они:

У страха глаза велики

Побежали мы ребячьей компанией в Затюменский овраг за земляничкой. Случись увидеть одному из нас ящерицу, как тот закричал лихомятно: «Змея!» Ох, как мы бросились бежать без оглядки! Тонкий ручей, метра два шириной, перепрыгнули за один мах. Я прибежал домой возбужденный, запыхавшись. Отец спрашивает меня:

- Что с тобой?
- Змея, – говорю, – в овраге.
- А большая змея-то?
- Вот, с оглоблю!

Никогда змей не видел, мое представление о размерах слагалось тогда из сказок, из рассказов о дальних странах.

- Ничего себе, – говорит отец, – подходящая!

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

В 1704 г. направил духовную миссию в Монголию, в 1705 г. на Камчатку. В 1707 г. отправил монахов-миссионеров к березовским и сургутским осяткам. При нем начато строительство каменного комплекса Тюменского Свято-Троицкого монастыря. В 1711 г. по болезни передал митрополицию кафедру Иоанну Максимовичу и удалился в Свято-Троицкий монастырь, приняв схиму под именем Федора. В 1712-1717 гг. вел миссионерскую работу среди аборигенов Севера Западной Сибири. В 1716 г. , после кончины митрополита Иоанна, вновь возглавил епархию. В 1719-1720 гг. проповедовал православие в Восточной Сибири. Всего за время управления епархией крестил около 40 тысяч аборигенов, открыл на их землях 37 церквей. Начал обучение детей крещеных осятков и вогулов русской грамоте, катехизису и нотному пению, направлял их причетниками в инородческие приходы, а некоторых впоследствии

**ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ
СИБИРСКОЙ
ЕПАРХИИ**

Архипастыри

рукоположил в священники. В августе 1720 г. указом Петра I уволен на покой с пенсией, в сентябре отбыл в Тюменский Свято-Троицкий монастырь, где продолжал заниматься епархиальными делами до приезда своего преемника. В декабре 1721 г. передал кафедру новому митрополиту **Антонию** (Стаховскому). Неоднократно выступал в защиту крещеных инородцев, притеснявшихся русскими поселенцами. Его обращения к светским и духовным властям привели к появлению указа 29 июля 1726 г., требовавшего под страхом смертной казни, чтобы никто не смел наносить инородцам обид и притеснений и не обращал их в крепостную зависимость. В 1726 г. **Филофей** совершил свое последнее путешествие для проповеди православия среди обдорских остяков. Скончался в 1727 г. в Тюменском Свято-Троицком монастыре, где и был похоронен.

Удружили

На Рождество, Пасху и на другие престольные церковные праздники попами было заведено служить молебны у своих прихожан на дому. Поп Никольского прихода служил сначала у богатых прихожан (больше денег платят), потом в другие дни у прихожан среднего достатка и, наконец, у бедняков, которых не очень охотно и посещал. День на третий праздника остались дома мать и я, двухлетний мальчонка. Стукнула калитка и на скором ходу, размахивая широкими рукавами рясы, почти бежали по двору поп и дьякон.

— Вот, шут их несет, — сказала мать, — давай спрячемся!

Попы зашли в дом — никого нет, — кашлянули.

— Мама! Я тоже спрятался! — крикнул я из-за укрытия.

Помяни, Господи, Царя Давида

Я попал в компанию более старших мальчишек, они заманили с собой в лес. Шли все дальше и дальше. Сначала все было интересно в лесу, но дело затянулось до вечера. Я ушел из дома без спроса родителей. Забеспокоился, но отделиться от ребят не смог, побоялся заблудиться в лесу. Вечером ребята затеяли ловить майских жуков, домой пришли ночью. Дома никого не было, кроме сестры: все, очень обеспокоенные, отправились на розыски меня, кто на реку, кто на лошади в лес, ведь мне тогда было лет пять. Сестра постелила мне постель на сеновале и, думая, что мне должно попасть за эту прогулку, научила меня читать молитву: «Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его...» Никогда с такой страстью и верой я не молился и, пока не заснул, все шептал:

— «Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его...»

Что такое манна?

Урок Закона Божьего во втором классе высшего начального училища. Священник объясняет урок: о манне небесной, исходящей с небес. Мой сосед по парте, отвлекшись, ковырялся под партой, урок не слушал. Поп, подавая знак учащимся сидеть смирно, на цыпочках подобрался к парте и громко произнес:

— Шашан Николай! Скажи, что такое манна?

Это было так неожиданно! Он быстро встал и, выпучив глаза, «отрубил»:

— Каша с маслом, батюшка!

Я больше не буду

Для попа на урок Закона Божьего решили принести чихательный порошок. Где достать — не знали. Обратились к врачу, который вел занятия по гигиене, с просьбой выписать рецепт на какой-то «айсик» — отказ. Наконец, я вспомнил: от отца осталась анилиновая краска в порошке для кожи, обладающая нужным свойством. Я был рад, что пришла мысль удружить классу. В большую перемену — бегом домой, сразу в кладовку. Порошок на потных руках разбился и руки посинели. На бегу хотел отмыть в весенних лужах, но чем больше воды, тем ярче становилась крас-

ка. До звонка прибежал в класс и передал ожидавшим ребятам. Сам сел – и руки под парту. Вот, думаю, если учитель вызовет к доске. Насыпали порошок на кафедру в свой класс, не обидели и второй класс, где должен проходить урок немецкого языка. Дальше пошло своим чередом. Поп зашел в класс, дежурный прочитал молитву, ученики сели за парты. Поп, как обычно, развернув классный журнал, стал записывать в него положение. Мельчайшие частицы порошка с вдыхающим воздухом попали ему в нос, на лицо, и на потной коже стали образовываться от краски синие пятна. Все мы внимательно и не без интереса к происходящему следили за эффектом нашей идеи. Лицо попа сделалось вскоре синим, как воронье крыло. Сначала он терпел, потом безудержно расчихался и, поняв проказу, хлопнув журналом по кафедре, вышел из класса. Вслед за попом к инспектору училища в таком же крашеном виде пришел преподаватель немецкого из второго класса. Мы все поняли, что не избежать сейчас расплаты за содеянное озорство. Вскоре появился в классе инспектор училища (старший учитель Ф. Ф. Ларионов). На вопрос, кто это сделал, класс отвечал молчанием. Инспектор, видя, что здесь ничего не добиться, пошел во второй класс. Там ему сказали, что Калугин принес, а Козлов рассыпал порошок.

Последовала команда названным лицам – в учительскую. После небольшого «собеседования» инспектор пожелал, как он выразился, познакомиться с моими родителями.

Такое знакомство с моей матерью не преминуло состояться. Отца к тому времени у меня не было в живых, и инспектор сказал, чтобы я больше в школу не приходил. Вскоре по нашему делу состоялся педагогический совет. Самое серьезное обвинение – богохульство, глумление над священником – слугой божьим. Предстояло наказание: исключение из училища без права поступления в другое учебное заведение. У некоторых учителей уже возникали подозрительные взгляды на почве преобразований нового времени, они и взяли верх при решении вопроса на педсовете. После продолжительных дебатов было решено, если поп и учитель немецкого языка простят нас, то нам будет предоставлена возможность закончить училище. Мы были прощены.

Империалистическая и гражданская войны

1 августа 1914 г. началась империалистическая война за передел мира. В Сербии убили австрийского принца. Это послужило, как тогда говорили, поводом для возникновения войны между двумя лагерями империалистических держав: Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии – с одной стороны; России, Англии, Франции, Италии, Румынии, Бельгии – с другой.

Была объявлена мобилизация в царскую армию. И двинулись к призывному участку воинского присутствия сотни конных подвод с людьми, толпы пешех. «Пьяные» песни, гармошки, надрывный плач матерей и жен. Потом последовала мобилизация лошадей. В тихой провинциальной Тюмени произошли значительные перемены.

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

**ИОАНН
МАКСИМОВИЧ**
(Васильковский)
(12.1651, Нежин –
10.06.1715, То-
больск), писатель,
просветитель,
митрополит Тоболь-
ский и Сибирский.

Родился в семье украинского шляхтича Максима Васильковского. Окончил Киево-Могиланскую академию (ок. 1666), преподавал в ней поэтику и риторику, обучал студентов латинских классов. Пострижен в монахи в Киево-Печерском монастыре, в 1680 г. рукоположен в дьякона и иеромонаха, был экономом в монастыре. В 1685–1690 гг. – проповедник Киево-Печерского монастыря, с 1695 г. – архимандрит Черниговского Елецкого монастыря

**ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ
СИБИРСКОЙ
ЕПАРХИИ**

Архипастыри

В 1697 г. по протекции гетмана И. С. Мазепы получил епископскую кафедру и сан архиепископа Черниговского. Основал в Чернигове Коллегиум — первую в России духовную семинарию. В 1709 г., во время заговора Мазепы, официально принял сторону Петра I и предал изменника анафеме. Гетман пытался оговорить **Иоанна Максимовича**, представив его своим тайным сторонником, но архиерей был признан Петром непричастным к измене и отправлен в 1712 г. в почетную ссылку митрополитом Тобольским и Сибирским. В Сибири **Иоанн Максимович** развернул энергичную деятельность: распространял христианство среди вогулов, остяков, сибирских татар, принимал участие в организации православной миссии в Пекине (1715), занимался каменным церковным строительством. Будучи ревностным сторонником просвещения, заботился об основанной **Филофеем Лещинским** тобольской архиерейской школе. Находился в дружеских и творческих связях со **Стефаном Яворским**.

По железной дороге, в маленьких товарных вагонах, состав за составом повезли убивать на фронт людей и лошадей.

Железная дорога вскоре повезла оттуда, с фронта, раненых воинов, немного позже – беженцев из западных областей России и пленных солдат и офицеров противника: австрийцев, венгров, чехов, немцев.

Пленных направляли без конвоя на работы в деревни и города. Уже тогда испытывался недостаток рабочих рук и в сельском хозяйстве, и в промышленности. В Тюмени развернулась работа для фронта... По домам разносили материал для пошива ватных телогреек, брюк, гимнастеров, рукавиц. Кустарное производство направили на изготовление полушубков, сапог, валеной обуви. Литейно-механический завод Машарова стал выпускать ручные гранаты и другие предметы для фронта.

Все нерадостнее приходили вести с фронтов, одно поражение за другим. Экономика страны пошатнулась. К 1916 г. заметно ощущался недостаток в продовольствии, промышленных товарах, цены на которые значительно выросли, образовались очереди. Война затянулась. Объявили мобилизацию 18-летней молодежи. Под эту мобилизацию попал и был без обучения отправлен на фронт мой старший брат Григорий, основной кормилец семьи. Жить стало труднее. Семья нуждалась в заработке. Сестра Клавдия поступила продавцом в галантерейный магазин Ефимова, а я приспособился в мастерской отца делать полуфабрикаты телег, ходков (без колес), которые продавал кустарям для дальнейшей доработки. Более крупные здания Тюмени заняли под казармы войсковых штабов и госпитали и поэтому наше училище перевели на занятия во вторую смену. Такая нагрузка не могла не отразиться и на качестве моей учебы.

Я умел делать все необходимое для жизни, косил сено, заготавливал в лесу дрова для дома, добывал заработок для пропитания семьи. Мне было тогда 13 лет. На фронт требовалось все больше и больше. Стали забирать в армию стариков. Против нашего дома – казарма для ополченцев. Вечером, после переклички солдаты пели

*Тюмень.
Спасская церковь.
Начало XX в.*

гимн «Боже, царя храни». Днем строем ходили по улицам и орали походные солдатские песни. Слышно было, что нашего земляка из деревни Покровка, большого проходимца, вторгшегося в доверие царской семьи, Григория Распутина – рукой князя Юсупова отравили и бросили в прорубь реки Невы. В Тобольске церковники готовили открытие мощей какого-то новоявленного святого, но открытие не состоялось. Началось брожение в народе, в армии.

Февраль 1917 г. Получили известие: царь Николай II под давлением сложных обстоятельств в стране отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Передача престола не была принята. Царя свергли. Управление государством перешло к Временному правительству. Революционные события всколыхнули и Тюмень. С песнями «Отречемся от старого мира», со знаменами, красными полотнищами люди ходили по улицам города. Появились многочисленные политические партии: и эсеры, и кадеты, и меньшевики и даже какая-то «Украинская рада». Помню, в Текутьевском театре состоялось общегородское собрание для обсуждения текущего момента, на которое пришли представители всех этих партий.

Выступающие говорили каждый с позиции своей партии. Представители партий противоположного направления то и дело кричали: «Довольно! Долой оратора!» Стоял неимоверный шум. Некоторых с трибуны удаляли насильно. Трудно мне было понять что-нибудь в происходящем на собрании. В начале 1918 г. вся власть в Тюмени перешла к исполнительному комитету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Первым председателем исполкома был избран Г. П. Пермяков.

Пермякова я хорошо знал еще в старое время, он жил со мной в соседях Затюменкой на Никольской улице (угол Вербицкой). Часто я видел его сидящим у окна и что-то читающим. Отец его работал

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Архипастыри

Димитрием Ростовским и другими русскими просветителями. Состоял в переписке с Петром I и многими православными патриархами. Один из наиболее плодотворных писателей начала XVIII в. В 1705-1714 гг. опубликовал 10 книг стихов, проповедей, поучений, богословских трактатов и пр. Два его сочинения были в 1720 г. запрещены как неправославные. Погребен в Тобольском, Успенском кафедральном соборе.

В. В. Коновалов.

сторожем-кочегаром в начальной школе Колокольниковых, там же при школе и проживал со всей многочисленной семьей.

Рабочие завода Машаровых, печатники на собраниях выносили резолюции о признании Советской Республики, выражали полное доверие Советам, предлагали беспощадно бороться с контрреволюционерами, саботажниками, спекулянтами, которых в Тюмени тогда было предостаточно. Они сеяли среди обывателей панические страхи, подстрекали к беспорядкам.

Повсюду орудовали шайки грабителей. В город прибыл красногвардейский отряд. Как сейчас, вижу расклеенный по городу приказ военного комиссара товарища Запкуса: «Всем, всем, всем! Вора́м, грабителям, разбойникам и другому преступному элементу. Приказываю немедленно прекратить свои преступные действия... Также как и за агитацию против Советской власти, замеченные в этом лица будут расстреливаться на месте».

Этот приказ произвел на всех огромное впечатление. Приказом того же военного комиссара была наложена на капиталистов Тюмени большая контрибуция, со взносом этой суммы в течение двух дней. Предупреждалось, что за несвоевременное внесение контрибуции последует полная конфискация имущества.

Пользуясь затруднительным положением с продовольствием, буржуазия и спекулянты создавали тайные запасы продовольствия, с расчетом продажи их в трудное время по более высоким ценам. Пошли по городу массовые обыски у подозреваемых в этом лиц. Спрятанные запасы передавались государству для снабжения населению. Под страхом сурового наказания у населения было изъято все оружие, в т. ч. и охотничье. Противниками нового строя была пущена безудержная агитация против Советской власти. В апреле 1918 г. Тобольская губерния переименована в Тюменскую. Тюмень стала губернским административным центром.

В 1918 г. я окончил Высшее начальное училище. Получил аттестат, в котором говорилось, что на основании 51 статьи «Положения об учебных заведениях» мне присваиваются права по воинской повинности и чиновному производству. Летом я поступил на сезонную работу в почтово-телеграфную контору по ремонту телеграфной линии Тюмень-Ишим в качестве чернорабочего. Это обстоятельство в дальнейшем и предопределило мою военную специальность связиста. При призыве на действительную военную службу меня направили в полк связи.

Потом я работал в кредитном товариществе, о котором упоминал ранее. Пришло известие: белочехи овладели Челябинском, контрреволюция наступала на Екатеринбург, Курган, Омск. Тюмень со всех сторон была окружена мятежными войсками. После тяжелых боев на подступах к городу, Тюмень 20 июля 1918 г. была оставлена. Отступление продолжалось за Уралом, до Удмуртии. В Тюмени более суток было безвластие: наши части отступили, а белогвардейцы еще в город не зашли. Пользуясь этим, мародеры и другие преступные элементы «хозяйничали» в городе.

Склады на железной дороге, на пристани, на предприятиях были открыты, и имущество, продовольствие растаскивались грабителями. Тюмень выглядела как после большого погрома. На улицах (не смогли всего захватить) валялись ящики, бочки с рыбой, пачки, даже не выделанные шкуры, банки с вареньем.

Потом больше года продолжался разгул контрреволюции. Хозяйственная разруха росла. Деньги обесценивались. Да и каких только их не было в обращении! Керенки, колчаковские деньги, тюменские деньги, даже царские! В Тюмени были созданы общества домовладельцев и квартирнанимателей. Каждое общество выпускало свои деньги. Но деньги домовладельцев не принимались в обращение у квартирнанимателей и наоборот.

1919 г. был дождливым. С июня до глубокой осени каждый день шли проливные дожди. Улицы города, дороги превратились в непролазную грязь. На Спасской улице, помню (где стоит Дворец пионеров), крестьянин утопил в грязи лошадь и вытаскивал ее, как из болота, распряженной, за хвост.

Урожай хлебов по большей части сгнил. Это в еще большей мере усугубило продовольственную проблему.

За Уралом наши войска начали решительное наступление. Белогвардейские части постепенно стали отступать. Капиталисты, чиновники, деревенские богачи и тому подобные элементы, боясь расплаты, двинулись впереди отступающих белогвардейцев, с семьями, на лошадях, увозя с собой ценное имущество.

По Туринскому и Московскому трактам, а также по проселочным дорогам в панике тянулись под дождем на измученных лошадях немногочисленные обозы беженцев. На зазевавшихся в пути, как на богатую наживу, нападали грабители, разбойники. В стороне от дорог находили немало убитых людей, падших лошадей.

8 августа 1919 г. Тюмень была освобождена. Устанавливается Советская власть окончательно, навсегда. Но в результате столь продолжительных изнурительных войн (гражданская война была в самом разгаре) промышленность, транспорт, сельское хозяйство пришли к 1921 г. в невероятный упадок. Для заводов, транспорта не было топлива, материалов. Заводы останавливались. 1921 г. на беду был годом засушливым. Жестокая засуха охватила большую часть республики, особенно пострадали от нее Поволжье (Среднее, Нижнее), Урал, Казахстан и Западная Сибирь. Начисто выгорели хлеба и трава. С Поволжья эшелонами в товарных вагонах двинулись семьи голодных, оборванных, грязных, опухших от голода татар, чувашей, мордвы, башкир в поисках мест лучшего пропитания. Голод, болезнь косили людей-мучеников. Картина была потрясающей. Не лучше была обстановка и в Тюмени. В двадцатом и двадцать первом годах свирепствовал сыпной тиф. В каждом доме побывала эта страшная хворь, унесшая тысячи жертв. Много было организовано больниц, госпиталей. Но и они оказались не в состоянии остановить эту стихию. Не хватало медицинского персонала, медикаментов, питания. Я помню, каждый день на рассвете на широких санях вывозили из госпиталя на кладбище по улице Республики уложенных штабелями покрытых рогожей покойников.

Тюмень была без топлива, без освещения. Значительная часть домов освещалась лучинами. Совершенно не было тепла. Мылись щелоком, приготовленным из золы. Население «обовшивилось», это и повлекло за собой тифозную эпидемию. Не было соли, сахара. Возник острый солевой голод, ни за какие деньги нельзя было купить хлеб, другие товары. Деньги к тому времени совершенно обесценились. Например, пачка спичек – десять коробков, стоила миллион рублей. Вошла в силу меновая форма торговли. Горожане снимали последнюю одежду, обувь в обмен на хлеб и картошку. Забрал я однажды какие-то вещички и поехал в Ишим за солью. Там вываривали ее из воды соленых озер. Поезд между перегонами останавливался. Израсходовался запас дров в паровозе. Пошли пассажиры в лес собирать дрова. Кое-как доехали до Ишима. Удалось мне выменять немного соли. В Тюмени на вокзале действовали заградотряды, отбирали у «мешочников» хлеб, продовольствие. При подъезде к Тюмени в районе мясокомбината, боясь попасть в их руки, люди начинали на ходу выскакивать, выкидывать мешки с хлебом, солью.

На другой день с зятем отправились по маршруту деревень Гусево, Утяшево, Успенка, Зырянка обменять на соль и носильные вещи сколько-нибудь хлеба и картошки. Таких меняльщиков, как мы, в каждой деревне было полным-полно. Крестьяне от нашего брата закрывали ворота. Большинство и сами хлеба не имели и также голодали. Стучали горожане в окна днем, стучали ночью, не давая деревне покоя – и все безрезультатно. Мы вернулись в город после двухдневной поездки пустыми. Хорошо было тем, кто имел коровенку. Молоко и с крапивой – еда.

В 1920 г. поступил я в пятый класс Реального училища. Как ни трудно было Советской власти с продовольствием, учащимся в школах выдавали каждый день по маленькому кусочку хлеба и кусочку (граммов десять) масла. Часть старых преподавателей относились к новой власти первое время с недоверием, а некоторые – даже враждебно. Случилось как-то, что хлеб и масло для школы не выдали. Преподаватель А. Д. Петров, зайдя в класс, басоватым голосом спросил у дежурного, почему нет хлеба. Дежурный ответил, что хлеба не было на складе. «Ну, – говорит, – хлеба нет и уроков вам нет!» Повернулся и вышел из класса, сорвав урок. В классе всегда было холодно, неуютно, занимались в одежде.

Кажется, в 1921 г. учебные заведения старого типа преобразовались. Изменились программы и методика преподавания. Реальное училище стало школой 2-й ступени, с десятилетним сроком обучения. Занятия перешли на групповой метод. Человек десять учащихся во главе со старостой готовили уроки совместно и отвечали преподавателю, кто что знал. Не знал один – отвечал другой. Этот метод обучения назывался «Дальтонов клич». Он плодил бездельников. Каждый надеялся, что товарищ выручит.

(Продолжение следует)